

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ПРАВДА, 15 июля 1939 года

Знаменитый русский писатель

Чехов родился в Таганроге в 1860 г. 17 января ст. ст. в семье мелкого торговца Павла Егоровича Чехова. Это был очень строгий и даже суровый человек, требовавший беспрекословного повиновения своей воле и своим взглядам. Взгляды же его были типично мещанские. Он был большим любителем церковного пения, и дети его во всякое время года обязаны были подыматься чуть свет, и идти в церковь к ранней обедне и принимать там участие в хоре. Воротаясь из церкви и наскоро перекусив, будущий писатель отправлялся в гимназию, где царил также же суровый и бездушный порядок, как дома, где чиновники-учителя ванимались сыском и шпионажем, а на первом месте стояла не наука, но слепое чиновничье. Прада из гимназии домой, Чехов должен был помогать отцу торговать в лавочке. Семья Чеховых жила плохо. С ранних лет адоренье Антона Павловича было подорвано.

О детстве своем он вспоминал, как о самой мрачной поре жизни. В письме к своему старшему брату Антон Павлович о горько замечает: «Деспотизм и ложь испортили наше детство до такой степени, что толпе и страсти вспоминаешь».

В 1889 г., когда Чехову исполнилось 29 лет, т. е. в то время, как он уже завоевал славу одного из крупнейших писателей, Антон Павлович в дружеском письме к приятелю изложил краткую историю своей прошлой жизни и указал главнейший смысл ее содержания.

«Напишите-ка рассказ о том, — читаем мы в этом письме, — как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чиновничьи, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без жалованья, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдвигается из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая».

Чехов не назвал в письме имени этого «молодого человека», но это он сам, это его жизнь. Окончив гимназию, Чехов уехал в Москву, где жила в то время его семья. Он поступил в университет на медицинский факультет. В поисках средств к существованию Антон Павлович стал писать коротенькие рассказы для юмористических журналов. Его рассказы и очерки имели успех, он стал писать больше. От мелких очерков и рассказов Чехов постепенно перешел к более значительным, потом и к крупной повести («Степь»), стал работать для театра (пьеса «Иванов»). К началу 90-х годов Чехов становится любимейшим русским писателем. Появление таких произведений как «Скучная история»,

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ.

«Палата № 6», «Учитель словесности», «Моя жизнь», «Мужики», «Человек в футляре», «Душечка», «В овраге», «Невеста» и др., приобретает значение крупных литературных событий. Вокруг имени Чехова закипают горячие литературные споры, его произведения начинают переводить на иностранные языки, его пьесы в постановке Московского Художественного театра — «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» — совершают настоящий переворот в театральном искусстве.

Присущие Чехову методы раскрытия характеров встали молодой бордой Художественный театр по-новому анализировать цельность и направленность произведения. Авторы стали работать усиленной над раскрытием внутренних, психологических процессов.

В своих произведениях Чехов дал яркое и глубокое изображение жизни современного ему общества. Бездушно мещанские порядки, полное невнимание к чело-

веку, презрение к его достоинству, чиновничьи, подхалимство, пошлость, торжество сильного над слабым, богатого над бедным, погоня за наживой, карьеризм, лицемерие, грубость, темнота — все это лежало тогда тяжким гнетом на всей русской жизни. Уже в ранних своих мелких очерках, как например, в «Хамелеоне», «Голосом и тонком», «Смерти чиновника» и множестве других, Чехов беспощадно высмеивал пресмыкательство слабого перед сильным, превращение человека в упрямку, отсутствие уважения к себе.

В чеховском смехе много гнева и скорби. Он в несравненно большей степени сатирик, чем юморист.

В большинстве произведений Чехова смех уничтожает, превращает обьемы в грязь, пыль. Теломы рассказы «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», «Дочь Альбиона», «Свистуны», «Управдин», «Тряпка», «Смерть чиновника», «Маска», «Тяжелые люди» и е. д. Сытый ли то «культурный» помещик, бедокамон-

но обламывающийся в присутствии (уверялки-инострани («Дочь Альбиона»), добровольный ли то сыщик Пришибеев, мыслящий себе «порядок» в форме всеобщего и поголовного опеченения («Унтер Пришибеев»), прапорщик ли то Вывертов, который самого себя перестает считать человеком, после управления присвоенного ему звания прапорщика («Управдин»), чиновник ли то, умерший от трепета, после того как нечаянно чихнул генералу на лысину («Смерть чиновника»), учитель ли гимназии Беликов, не только сам всю свою жизнь проживший в страхе — «как бы чего не вышло», но внушивший тот же страх населению целого города («Человек в футляре») — все равно, в рамках правдоподобного реалистического изображения невозможно представить ничего более ничтожного и отвратительного. Рассказы Чехова — это звучное и яркое изображение быта и нравов дореволюционной России.

Чеховские образы живучи. Мы говорим, что Россию душили «унылые Пришибеевы», что в русском чиновнике и обывателе жила душа «хамелеона», что целые поколения русских детей калечились «человеками в футлярах». Чеховы закрепили — именно закрепили, и не безнадолго помурились политическую тусовку, политическую безличность, политическое соглашательство, в них прилагались эпитеты чеховской Душечки, чеховского «как бы чего не вышло».

В более позднем и зрелом творчестве Чехов уже анализировал глубже, острее изображает современную ему жизнь. Вот рассказ «Вальс царство» или родственник ему по теме «Случай из практики». И там и здесь представители буржуазии — фабриканты. Чехов отнюдь не старается изобразить их влодами,

правственными уродами. Нет, люди, как люди, способные даже и на добрый поступок, деликатные в личных отношениях. Но читателю ясно, что весь строй их жизни — это организованное рабовладельчество, что всякие попытки добиться при этом строе подлинно-человеческих отношений обречены на неудачу. В «Случае из практики» доктор, приглашенный к заболевшей владелице фабрики Лиликовой, подмывает свои впечатления: «Тысячи полторы — две фабричных рабочих без отдыха, в неадекватной обстановке, делая плохой швей, живут впроголодь и только передвигаются в баке отрываются от этого кошмара; сотня людей надеждает на работу, и вся жизнь этой сотни уходит на замывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое-трое, так называемые, хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой швей».

Или вот ряд рассказов Чехова, изображающих интеллигенцию: «Учитель словесности», «Моя жизнь», «Человек в футляре», «Ионыч» и др. Как здесь все тихо, мирно, прилично. Благоустроенные люди наводят друг другу визиты, устраивают любительские спектакли, музыкальные вечера. Но все это — тонкий слой лака, покрывающий гнилу, отвратительную серцевину.

В редких случаях представители интеллигенции, изображенной Чеховым, начинают догадываться, как ничтожны круг их интересов.

В одном из сильнейших рассказов Чехова «Крыжовник» герой его обобщает строй всей современной ему жизни: «наглость и праздность, сильные, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Меж-

ду тем во всех домах и на улицах тишина, спокоествие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, из одного, который бы вскрикнул, громко возмущен. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провинцией, днем едят, ночью спят, которые говорят свое чепуху, жалуются, стараются, благодушно тащатся кладбище своих покойников; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и те, что страдают в жизни, происходят где-то за кулисами. Все тихо, спокоейно, и протестует одна только немая статистика: столько-то в ума сошло, столько-то бедер вымыто, столько-то детей погибло от недоодевания...»

Находились читатели и критики, пытавшиеся отмахнуться от Чехова, говорящие, что он преувеличивает, сгущает мрачные краски. Но в большинстве случаев рассказы его производили исключительно сильное впечатление.

Не подлежит сомнению, что и для нас, людей советской эпохи, чеховское наследие представляет глубокий интерес. Оно вводит нас в историческое познание той жизни и того строя, которые были испровергнуты революцией.

В окружающей нас жизни осталось немало того, что изображал Чехов. Его рассказы помогают нам яснее видеть и узнавать эти остатки ватилого прошлого, и стало быть и бороться с ними, искоренять их и в других и в себе самих.

Язык, стиль, приемы Чехова, как писателя, не только в наши дни, но еще на долгие годы будут служить непревзойденными образцами, поучительным примером того, что простота и ясность являются самой существенной чертой подлинного глубокого реалистического искусства.

А. ДЕРМАН.